

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук Макеевой Лолиты Брониславовны на диссертацию Блохиной Натальи Александровны на тему: «Метафизика и онтология в аналитической философии XX–XXI вв.», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.2 – история философии (философские науки)

Актуальность темы диссертационного исследования Н.А. Блохиной обусловлено тем, что оно посвящено метафизике в рамках аналитической традиции или аналитического движения, которое по своей распространенности, масштабности, количеству участников и разработанных концепций и идей, разнообразию обсуждаемых тем и проблем не имеет себе равных среди современных философских течений. Это делает крайне востребованными усилия по осмыслению как самого столь неординарного историко-философского феномена, каковым является аналитическая философия, так и такой важной его составляющей, как метафизика, тем более что судьба последней в аналитическом движении, как показывает автор диссертации, была сложной и полной драматизма: метафизика пережила и, во многом позитивистскую по духу, борьбу с ней, и попытки ее «революционного» преобразования, вылившиеся в создание метафизики «нового типа», и возврат к определенным метафизическим идеям прошлого. Интерес к аналитической метафизике вызван еще и тем обстоятельством, что в ней видят своеобразный «мостик», который можно перекинуть через разделяющее современную западную философскую мысль противостояние аналитической традиции и так называемой континентальной философии. «Ненормальность» такого противостояния и необходимость его преодоления осознается сегодня западными философами и с той, и с другой стороны, но очень сложно найти общую «почву» для объединительных усилий, и метафизические исследования несут в себе, в этом плане, определенный «потенциал». Таким образом, проведенное Н.А. Блохиной исследование вносит свой вклад в создание общей историко-философской картины крайне неоднородного и многогранного комплекса процессов и тенденций,

имеющих место в современной западной философской культуре, а также позволяет лучше понять, что представляет собой в настоящее время метафизика, в каких формах она существует, какую роль играет в философских построениях, какое место в ней занимают проблемы, связанные с изучением человеческого сознания и его места в мире, каковы перспективы ее будущего развития.

Что касается **степени обоснованности научных положений и выводов**, полученных в диссертации, то здесь я должна отметить два момента. С одной стороны, в работе диссертанткой представлен богатый материал, который служит подтверждением выдвинутых ею положений для защиты. Однако, с другой стороны, этот материал служит подтверждением данных положений не в той «универсалистской» формулировке, которая дана им в диссертации, а в более ограниченной или, можно сказать, более «скромной» формулировке. О том, что я имею в виду, я скажу в разделе замечаний, а сейчас кратко остановлюсь на первом пункте.

Диссертация имеет ясную и продуманную структуру. В первой главе «Аналитическая философия: история, метод и структура знания» автор видит свою задачу в том, чтобы дать общую характеристику аналитической философии, выявив ее отличительные особенности. Опираясь на результаты дискуссий, прошедших в последние десятилетия как в англоязычной, так и в отечественной философии и касавшихся вопросов о том, что представляет собой аналитическая философия, каковы ее географические и исторические рамки, какие философы относятся к числу ее представителей и т.п., диссертантка предлагает свое решение в виде тезиса о том, что отличительной особенностью аналитической философии является онто-методологический синкретизм, а также выстраивает периодизацию в истории развития аналитической философии в XX-XXI вв. Важное место в главе отводится рассмотрению проблемы метода и методологических установок в аналитической философии; в частности, отталкиваясь от идей шотландского философа Майкла Бини и ряда отечественных исследователей (М.В.

Лебедева и др.), диссертантка формулирует своего рода типологию техник анализа, применяемых аналитическими философами.

Во второй главе «Истоки, основные этапы и тенденции развития метафизики и онтологии в аналитической традиции» обсуждаются все те вопросы, которые вынесены в ее заглавии, а также автор высказывается о том, как соотносились термины «метафизика» и «онтология» в разные периоды развития философии, выделяет такие методологические установки в аналитической онтологии, как «лингвогенная», «натуралистическая» и «метафизическая», особое внимание уделяет «неявной» метафизике или «метафизическому бессознательному», представленным в теориях раннего Витгенштейна, логических позитивистов и философов обыденного языка, а также делает вывод о том, что вся аналитическая философия в целом и аналитическая онтология направлены на «формирование стереоскопического образа мира» (с. 322) и человека в мире, отмечая при этом, что поводом для данного вывода послужила философия У. Селларса.

Третья глава «История онтологических проектов в рамках основных методологических установок философов-аналитиков второй половины XX – начала XXI вв.», насколько я поняла, должна по замыслу автора служить иллюстрацией тех обобщений и концептуальных различий, которые были введены во второй главе. Предметом рассмотрения в третьей главе выступают дескриптивная метафизика П. Стросона, онтология событий Д. Дэвидсона, метафизика модального реализма Д. Льюиса, научно-реалистическая метафизика Д. Армстронга и метафизика «четырех категорий» Дж. Лоу. Судя по всему, диссертантка относит Стросона и Дэвидсона к сторонникам лингвогенной установки в метафизике, а вот в отношении всех остальных ситуация не совсем понятная, поскольку при изложении их концепций часто используется термин «натуралистический», что дает основания отнести их к сторонникам натуралистической установки, однако в Заключение диссертации автор пишет: «В метафизической установке онтологии арифметического и семантического реализма (Г. Фреге)

или модального реализма (Д. Льюиса) дополнялись категориальными онтологиями (Д. Армстронга, Дж. Лоу), т.е получается, что они сторонники метафизической установки.

Четвертая глава «Проблемы метафизики и онтологии в аналитической философии сознания: история и тенденции развития» начинается с анализа супервентности, которую автор трактует как метафизическую категорию, и ее роли в концепциях таких ведущих современных философов сознания, как Д. Дэвидсон, Дж. Кима, Д. Льюиса, Дж. Сёрла и Д. Чалмерса. Затем диссертантка переходит к рассмотрению психофизической проблемы и ее решений, предложенных в теориях психофизического тождества Армстронга и Льюиса, а также в концепции аномального монизма Дэвидсона. Кроме того, в поле ее внимательного изучения оказываются концепции натуралистического дуализма Чалмерса и биологического натурализма Сёрла. Изложение всех этих концепций автором призвано показать, что «в современной аналитической философии сознания существует тренд на поиск источников трансцендентального знания, являющегося неявной формой метафизики» (с. 18).

Диссертационная работа Н.А. Блохиной снабжена массивной библиографией, насчитывающей 466 наименований, среди которых более половины представляют собой работы на английском языке. И если судить по тексту диссертации, все эти источники изучены и проработаны автором, что безусловно свидетельствует об основательности проведенного в работе исследования, внушающей доверие к полученным результатам.

Новизна проведенного в диссертации исследования состоит в том, что, во-первых, автор предложил новый ракурс рассмотрения процесса развития в XX-XXI вв. такого крайне сложного и многогранного движения, как аналитическая философия с такой важной ее составляющей, как метафизика. И хотя темы, обсуждаемые в работе, не новы для отечественной философии, не говоря уже о западной философии, диссертантка сумела выявить и описать новые аспекты и тенденции, которые до нее выпадали из поля зрения

исследователей, поэтому, во-вторых, новизна ее работы связана с разработкой специального концептуального «инструментария», позволившего провести такого рода исследование. На мой взгляд, предложенный инструментарий остро нуждается в дальнейшем уточнении и усовершенствовании, однако, учитывая, как сложно бывает сформировать правильную «оптику» рассмотрения изучаемого предмета, сам факт того, что в диссертации предприняты усилия в этом направлении, говорит о ценности полученных результатов.

Сказанное свидетельствует о большой теоретической и практической значимости проделанной Н.А. Блохиной работы, результаты которой могут стать отправной точкой для дальнейшего изучения аналитической философии и аналитической метафизики, а также могут быть использованы при чтении курсов и спецкурсов по современной западной философии.

Теперь я перейду к **замечаниям**.

1. Как отмечалось выше, по мнению диссертантки, аналитической философии можно дать родовидовое определение, в котором родом является рационалистическая философия (традиция), а в качестве видового отличия указывается онто-методологический синкретизм. Если против родовой принадлежности аналитической философии вряд ли можно что-то возразить, то видовое отличие вызывает очень большие сомнения. Для того чтобы обосновать, что именно этот признак является отличительным для аналитической философии, нужно показать, что он присущ всем без исключения концепциям и позициям ее представителей и не присущ ничему за ее пределами. Ясно, что, если бы такое обоснование было представлено, его было бы очень просто опровергнуть – достаточно было бы показать, что есть аналитические философы, не приверженные онто-методологическому синкретизму, или есть неаналитические философы, приверженные ему. Именно по этой причине многие западные и отечественные исследователи, осознавая великое разнообразие форм аналитической философии, отказались от поиска подобного отличительного признака, а некоторые из них, в

частности Г.-И. Глок, пришли к выводу, что аналитическая философия – это понятие, образованное по витгенштейновскому принципу «семейного сходства», или, иначе говоря, это «зонтичное» понятие. В первой главе диссертантка порой высказывается так, будто она согласна с трактовкой понятия аналитической философии как зонтичного, но в итоге делает выбор в пользу родовидового определения. Однако главная проблема с предложенным видовым отличием аналитической философии, на мой взгляд, заключается в том, что диссертантке не удалось разъяснить, что же она имеет в виду под онто-методологическим синкретизмом и как конкретно он проявляется в тех метафизических концепциях, которые она рассмотрела. По сути, все ее пояснения в отношении онто-методологического синкретизма сводятся к следующим: «Метод встраивается в результаты познания, но не тем, что влияет на них, а тем, что становится неотъемлемой частью этих результатов. Эта особенность характерна для неклассического типа научной рациональности, ставшего доминирующим в начале XX столетия» (с. 26); «неклассический тип научной рациональности, ставший доминирующим в начале XX века, породил идею неотделимости изучаемого объекта от исследовательских практик и иллюзию полного растворения объекта в методах и средствах его изучения, языках выражения» (с. 324). В связи с этими пояснениями возникает масса вопросов: у кого возникла эта иллюзия растворения? У постмодернистских философов? У самих аналитиков? Тогда назовите их имена. И что означает, что метод становится неотъемлемой частью того, в исследовании чего он применялся? Если взять, к примеру, теорию дескрипций Рассела как один из самых известных методов в аналитической философии, то как он встраивается в то онтологическое описание мира, которое получено с его помощью? И этот список вопросов можно продолжить. Я не думаю, что можно механически перенести из физики, скажем, принцип относительности или принцип дополнительности в философию и всё сразу станет понятно, хотя, на мой взгляд, сама проблема – как неклассический тип рациональности, сформировавшийся в науке,

отразился в аналитической философии – безусловно представляет большой интерес, но вряд ли есть основания считать, что это отражение можно без труда обнаружить в любой концепции, разработанной в рамках аналитической философии. Думаю, интуиция диссертантку не подвела и она нашла что-то важное, но это важное – одна из тенденций в развитии аналитической традиции, но отнюдь не ее универсальная характеристика.

2. Не меньше вопросов вызывает и вывод диссертантки о том, что «Современные аналитическая метафизика и онтология, как в отдельных проектах, так и в целом, устремлены на создание образа мира, в котором соседствуют обыденные, философские (метафизические) и научные представления» (с. 322-323). Такой образ назван в диссертации «стереоскопическим», поскольку «составляющие ... элементы могут быть различными, но они должны друг друга уравнивать и дополнять». И хотя явное стремление к подобной стереоскопичности диссертантка обнаруживает только в философии Селларса, а у других рассмотренных ею философов она диагностирует это стремление, скорее, в скрытом или неосознанном виде, тем не менее она экстраполирует это стремление на всю аналитическую метафизику и онтологию. Непонятно, что означает эта стереоскопичность? Ведь многие философы прошлого опирались в своих построениях одновременно и на здравый смысл, и на достижения науки их времени, и на определенные метафизические посылки. У них тоже наблюдался этот стереоскопический эффект? Если да, то тогда это просто банальность, поскольку любой философ стремится представить свою концепцию в виде согласованного целого. Если же нет, то тогда нужно объяснить, почему только аналитические метафизики способны создавать, даже порой не осознавая этого, стереоскопическое «мировидение».

3. Не менее «загадочным» является и используемый в диссертации концепт «методологические установки на источники получения знания». Автор поясняет, что под методологической установкой понимается «априорное убеждение в (или аксиоматически принимаемое предположение

о) том, какого рода сущности составляют онтологическую картину исследуемой нами реальности» (с. 77). Если я правильно поняла мысль автора, то у каждого философа, занимающегося построением онтологии, изначально имеется установка или представление о том, откуда он получает знание о мире (из анализа языка, из научной картины мира, из здравого смысла и т.п.), и это представление предписывает ему вычленять в мире сущности соответствующего вида. На мой взгляд, это крайне упрощенное видение того, как создается та или иная онтология. (Для сравнения отмечу, что при описании методологии, используемой в настоящем диссертационном исследовании, автор перечисляет девять очень разнообразных методов, тогда как аналитические философы. Получается, должны довольствоваться одной-двумя методологическими установками). Кроме того, поскольку диссертантка выделяет в качестве основных три методологических установки – лингвогенную, натуралистическую и метафизическую, то возникает вопрос, не противоречит ли это универсальному стремлению к стереоскопическому образу мира.

4. В диссертации крайне важная роль в развитии аналитической традиции отводится так называемому «парадоксу анализа». Нельзя не согласиться с автором в том, что обнаружение этого парадокса, изначально сформулированного в отношении концепций анализа Мура и Рассела, побудило аналитических философов к разработке новых техник анализа. Однако, по мнению автора, какую бы технику анализа они ни предложили, в ней, как Феникс из пепла, в той или иной форме всегда возрождался и парадокс анализа. На мой взгляд, это преувеличение, и я здесь опираюсь на двухтомную работу Скотта Соумса «Философский анализ в двадцатом столетии» (2003), в которой он показал, какими способами аналитические философы преодолевали этот парадокс. Данное преодоление не означает, конечно, что создаваемые техники анализа не сталкивались с трудностями, но эти трудности уже не были связаны с парадоксом анализа. Я не хочу сказать, что диссертантка обязательно должна перейти на позиции Соумса в

этом вопросе, но было бы неплохо, если бы она в своем обосновании роли парадокса анализа учла и возражения таких авторов, как Соумс.

5. На мой взгляд, нужно проявлять большую осторожность и аккуратность при использовании термина «трансцендентальный», особенно если речь идет о Канте, например, избегать таких выражений, как: «Возродив понятие кантовского трансцендентального опыта, Стросон не поясняет ...» (с. 183). У Канта, как известно, нет понятия трансцендентального опыта, поскольку опыт для него – это область феноменального, а трансцендентальное – это то, что делает опыт возможным. В строгом смысле нельзя Канту приписать и трактовку трансцендентального как «предпосылочного», это уже современная трактовка, очищенная, так сказать, от связи с трансцендентальным идеализмом Канта, о чем было бы неплохо сказать в работе, учитывая, какую важную роль эта трактовка играет в обосновании автором наличия трансценденталистской тенденции в современной аналитической метафизике.

6. Отмечу также некоторые встречающиеся в тексте диссертации неточности. На с. 52 работа Фреге «Запись в понятиях» названа «Шрифтом понятий»; на с. 54 статья Мура «Природа суждения» фигурирует как «Природа утверждения»; на с. 224 «Трактат о человеческой природе» Юма обозначен как «Трактат о природе человека»; Макс Блэк на с. 56 и 121 назван Джоном Блэком; на с. 221 автор пишет о «реальных числах», хотя в математике таких нет, а есть действительные числа. На с. 223, говоря о том, что Рассел включил «в онтологию отрицательные факты», автор добавляет: «как форму небытия», что совершенно неверно, так как в логическом атомизме Рассела отрицательные факты признаются существующими наравне с положительными фактами, т.е. являются формой бытия. По мнению автора, Райл в работе «Понятие сознания» «провозгласил, что само понятие сознания является результатом “категориальной ошибки”» (с. 58), что неточно, ибо Райл провозгласил результатом категориальной ошибки трактовку сознания как «призрака в машине».

В заключение отмечу, что я не согласна с диссертанткой по многим предложенным ею интерпретациям концепций и аспектов аналитической философии, однако они, как правило, относятся к дискуссионным вопросам, по которым возможны разные точки зрения.

Несмотря на сделанные замечания, я ни в коей мере не ставлю под сомнение значимость, плодотворность и высокий профессиональный уровень проведенного Н.А. Блохиной историко-философского исследования. Полученные ею результаты обладают актуальностью, несомненной научной новизной, теоретической и практической значимостью и позволяют более глубоко осмыслить эволюцию идей в рамках аналитической философии в целом и в таких ее составляющих, как метафизика и онтология.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации. Диссертация Блохиной Н. А. на тему: «Метафизика и онтология в аналитической философии XX–XXI вв.» полностью соответствует пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор достоин присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.2 – история философия.

Доктор философских наук
(специальность – 09.00.03 История философии)
профессор Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук, ведущий научный
сотрудник Международной лаборатории логики,
лингвистики и формальной философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 22682,
lmakeeva@hse.ru

 /Макеева Л.Б./

18.09.2023 г.

Подпись заверяю

